

Ночная душа Петербурга

Вместо заключения

Во многом из того, что написано о Петербурге: «Пиковой даме», «Преступлении и наказании», «Возмездии», обнаруживаются две содержательно-смысловые линии-тенденции. Первая — это *описательность* фрагментов петербургского микрокосма и его самого как целого. В локальных или масштабных зарисовках этого жанра преобладает изобразительность, сопровождаемая легким аккомпанементом эмоций восхищения гением создателей и их творениями. Флером поэтизации начинают окутываться при этом даже те реалии, которые, казалось бы, не имеют к культуре как миру сугубо искусственному непосредственного отношения, — холодный октябрьский дождь, сырая туманная изморось, опавшие листья на дорожках парков или белая ночь. Но петербургский дождь — это отражение арок и колоннад в зеркалах мокрых мостовых. Сырой туман — это фантазмагории архитектурных громад, выплывающих из неведомого и колеблющихся на грани небытия. Осенние листья — это красота старых дворцовых парков с графикой черных линий стволов, разламывающих контуры привычных далей. Белые ночи — это силуэты шпилей и куполов на золотом фоне, будто перенесенном с древних византийских икон.

Во всех этих изящно-строгих сочетаниях искусственного с естественным присутствует светлая феноменология петербургского духа. Она легка и полувоздушна, словно

действительно послушная какому-то божественному смычку в руках великого Демиурга. Человеческое сердце, прельщенное ими, начинает изливаться звуками, словами и красками. Так дух творящий, не иссякая, самовоспроизводит себя.

Но одновременно существует и также воспроизводит себя иное начало, сопровождаемое глубинным ощущением непостижимости очевидного и прежде всего ощущением того, что явившийся в прекрасных феноменах дух Петербурга не тождествен самому себе. За горизонтом явного пульсирует *мысль*, являющаяся ничьей, но посещающая многих и потому позволяющая ее сопоставить с чем-то вроде платоновской идеи. Это мысль о двойственности символов тайны, чуда и авторитета, присутствующих в каждом феномене петербургского культурного космоса.

Отчего-то именно здесь, в Петербурге, сочетания явного и тайного, феноменального и ноуменального, созерцаемого и непостижимого насыщены такой сверхфизической энергетикой, которая сотрясает слабый человеческий разум. Петербург, лежащий перед нами, казалось бы, как на ладони, оказывается загадочной «вещью-в-себе», недоступным для рассудочных усилий ноуменом. Мы догадываемся, что его тайная суть является нам в прекрасных феноменах его культуры. Но временами нас посещают догадки и другого рода. Каким-то особым чувством мы вдруг ощущаем, что эта суть сама по себе отнюдь не прекрасна, что в ней есть нечто, холодящее душу, ввергающее ее в состояние ледящего ужаса, и предпринимаем робкие попытки «постичь непостижимое через постижение его непостижимости».

Попробуем объяснить природу этого состояния с помощью одного из образов Достоевского, который может служить своеобразным ключом к характеру Петербурга.

Достоевского считают самым петербургским писателем и это верно. Самым же петербургским среди образов, созданных Достоевским, следует считать, на наш взгляд, Николая Ставрогина. В данном случае не важно, что главный герой «Бесов» родился в провинции и там же завершил свой жизненный путь. Не важно даже и то, что он учился в Александровском лицее или что был известен в Петербурге своими безумными кутежами и скандальными выходками. Это уровень все тех же феноменов. У Достоевского же они сопряжены с ноуменальным содержанием личности Ставрогина, который волею сотворившего его писателя стал образом-парадигмой, антропоморфной микромоделью петербургской цивилизации, ее антропологическим двойником.

Если на уровне феномена Петербург *прекрасен*, то на уровне ноумена он *демоничен*. В этом единстве прекрасного и демонического его завораживающая притягательность. Именно этой сути Петербурга в наибольшей степени из всех образов русской литературы отвечает образ Николая Ставрогина, поражающего сочетанием необыкновенной внешней красоты с демонизмом натуры, то прячущимся, то обнажающимся.

Каузальная цепь, тянущаяся от Петра к Петербургу, а от того к образу Ставрогина, может быть превращена в герменевтический вектор, направленный в обратную сторону. Тогда Ставрогин превращается в ключ к тайне Петербурга и тогда же оказывается, что не только протагонист «Бесов» — самый петербургский из литературных героев, но и Санкт-Петербург — самый «ставрогинский» из всех русских городов.

Когда Достоевский, задумавший образ Ставрогина, писал, что тот предстанет «обворожительным как демон», он, сам того не ведая, дал нам формулу-разгадку тайны красо-

ты Петербурга. Город, задуманный как «град святого Петра», предстал перед потомками его создателей воистину «обворожительным как демон». В нем, как может быть, ни в одном из всех городов России, оказалось «все полно демонов». Если уж в душах монархов, правящих гигантской империей, царил не Бог, а господствовали демоны, заставившие одного из них убить родного сына, другого посягнуть на родного отца, третьего принять яд и т.д., то что говорить о всем остальном.

У Петербурга как у всего живого есть душа. Ее особенность в том, что она раздвоена на хотя и родственные, но по многим позициям противоположные ипостаси — дневную и ночную.

Дневная душа Петербурга — светлая, тянущаяся к порядку, гармонии и красоте. Она сотворила городское дисциплинарное пространство «умышленного» порядка. Она присутствует в архитектурных ансамблях, мерцает на золоченых шпилях и куполах, тихо всплескивает водами каналов о гранит набережных. Ей присущи внутренняя стройность и благорасположенность к традиционным иерархиям ценностей, норм и смыслов. Она привносит в облик Петербурга театральность, рациональную декоративность, куртуазность. Она позволила ему великолепно играть роль столицы и превратила не просто в «самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре», но в «полночных стран красу и диво».

Иное дело — его ночная душа, которая не ведает норм и законов, чужда понятиям добра и гармонии, не имеет представления о святынях, склонна к агрессии и разрушениям, выступает средоточием метафизической тьмы и откровенного демонизма.

Обитель ночной души — это особое метафизическое пространство в подсознании Петербурга. Для проименова-

ния этого пространства лучше всего подходит понятие из литературно-философского лексикона Достоевского — *подполье*. Здесь гнездится все сумеречное, зловещее, аномальное, патологическое, преступное, что было в истории Петербурга и сосредоточилось в его сознательном опыте и в его коллективном бессознательном.

Темные шевеления ночной души Петербурга ощущаются в «Пиковой даме» Пушкина и «Маскараде» Лермонтова, в романах Достоевского, стихах Тютчева и Блока, в 6-й симфонии Чайковского и романе Белого «Петербург». Ощущалось ее явное присутствие и в том неумолимом вползании города в катастрофу самоуничтожения, когда в 1917 году через арку Генерального штаба, как сквозь дантовские врата в ад, он вошел в эпоху возмездия. Точнее, его ввели в нее толпы, в которые, словно в евангелиевское стадо, вселились бесы, уже маркированные Достоевским.

Сквозь брызги ночных, ледящих и резких
Дождей Петербурга, в туманы и таль
Смятенным очам разверзал Достоевский
Пьянящую глубину — и горящую даль.⁶¹

В сущности, все наиболее петербургское в истории петербургской культуры складывается во впечатляющее многокнижие единого культурного текста масштабных «Записок из петербургского подполья», где в словах, звуках, формах изливается ночная душа города.

Раздвоенность души Петербурга никогда не была тайной для тонких и проницательных певцов его красоты. В самых светлых гимнах его совершенствам можно обнаружить некий подтекст, второй план с особыми смыслами. Эта двуплановость мировосприятия вносит трагическую

---

⁶¹ Андреев Д. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 39.

ноту в каждое творение культуры, созданное истинно петербургским художником, поэтом, мыслителем.

Художник, живущий в Петербурге, чтобы быть по-настоящему петербургским художником, должен носить в своей душе подполье не меньшего масштаба, чем то, которое носил в себе Подпольный господин Достоевского. Вместе с тем он должен не только носить его в себе, но и давать обитающей в нем ночной душе возможность выговориться посредством соответствующих поэтических образов. И когда подполье оказывается ужасным, а образы прекрасными, миру является художник, петербургский по самой сути своего дарования.

Тайная стихия, в которой живет ночная душа Петербурга, — это атмосфера демонодицеи. Дух демонодицеи, весьма слабо заметный в допетровской культуре, энергично устремился в Россию через «прорубленное» Петром «окно». Его «трихины» стали оседать на стогнах града. Неся в себе страшную разрушительную силу, они таили ее в себе до поры. Темное подсознательное «подполье» Петербурга стало их прибежищем. Оттуда они проникали в души прототипов Германна, Арбенина, Подпольного парадоксалиста, Раскольниковова, «смешного человека», Аблеухова-младшего. Витающие над городом Достоевского-Блока они вошли в души тех вооруженных винтовками двенадцати Смердяковых, которые устроили на ночных проспектах спящего Петрограда охоту на самого Христа.

Создав Петербург и ощутив присутствие в своих душах роковых «трихин», русские узнали о себе то, что, может быть, никогда бы не открылось, не соверши они этого акта созидательной трансгрессии. Петербург показал, что они могут быть Раскольниковыми, Ставрогинными, Верховенскими, Нечаевыми, Каракозовыми, Ульяновыми и еще очень многими.

В этом знании много печали. Присутствуя в нас, знание и печаль никогда нас уже не покидают. Мы не в состоянии от них избавиться и никогда не сможем этого сделать. Даже если удастся вытеснить их из сознания, они непременно осядут в подсознании. И на самые светлые и чистые радости непременно будет падать тень затаенной скорби. Не потому ли, когда человеческая душа тихо радуется той красоте, которую ей дарит «обворожительный как демон» Петербург, где-то глубоко, на самом ее дне всегда пульсирует едва ощутимое чувство безотчетной тревоги о чем-то неясном и о ком-то неизвестном, который, может быть, уже приближается «как сумасшедший с бритвою в руке»...